

РОССИЯ И СЛАВЯНСТВО

Органъ национально-освободительной борьбы и славянской взаимности

HEBDOMADAIRE RUSSE

La Russie et le Monde Slave

Fondateur: Pierre STRUVE

○

Редакторъ: Н. И. ЗАЙЦЕВЪ

Directeur: Cyrille ZAITSEFF

Еженедѣльная газета при ближайшемъ участіи
Петра Струве

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

8, rue Le Goff - Paris (V)

Tél.: Gobellin 65-66, 72-48

Время въ редакціи ежедневно отъ 4-8 ч. д.

Контора открыта отъ 1 до 4 ч. д.

Беллетристика Григория

ЕЩЕ О ЧЕХОВЕ

На металл, подаренный Никой Зарфиной Григорину (из «Взгляда Чехова»), вырублено указание на его сочинение: «Дни и Ночи, стр. 190, строки 11 и 12». Григорина находили на уральском месте фразу: «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приходи и возьми ее». Эта фраза взята из рассказа Чехова «Соседка». Ее прожигает Власчик, обращаясь к Ивану. И думный сайт, бастующий на основной рабочий бутылке, — привораживает «применения», которые «вырабатывает» Григорин и которыми «защитит» Тренелер, — есть сайт-то у Чехова. Григорин, «адаптированный» Чехов. И он, подобно Чехову, пишет не романы, а рассказы: «Какое у него чудесное расписание», говорит Нина. И он, подобно Чехову, не отказывается от него: «Но я так и не пейзажист только, я так и еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о жизни, о правде, человека и прощай, и я говорю обо всем». В сочиненной самому себе мифологии Григорин выдумал виртуальную посмертную обложку Чехова: «Если же оставить Григорина, то хороший был писатель, но он писал хуже Тургенев». Приблизительно то же сказала недавно Г. Адамович о Чехове («Абсолютная Ностальгия», 14 июля).

II.

Можно спорить о том, насколько плодотворно, насколько вообще методологически допустимо, сравнение писателей «континентальной» и «адаптивной» школы. Если такой умной критикой, как Г. Адамович, сказать это, то я думаю, потому, что из литературы — это нечто, что не может быть ни душевно-рождением писателя, ни индивидуальностью. И в частности: у Чехова и у Тургенева он находится — одну — основу — верту. И так и Тургенев был писателем, в сущности, «без» европеизации. Но Чехов — в еще большей степени, чем Тургенев.

В связи с этим Г. Адамович поднимает один — весьма важный — вопрос: обложка порядка. Именно за отсутствием «европеизации» у Чехова мы видим разницу секретов, почему, из всех русских писателей, Чехов пришелся наиболее по вкусу западному читателю, в особенности французскому. Мы, русские, не понимаем, что такое европеизация без «беллетристики» (или «Беллетристика» у Борха). Француз же даже не понимает, что такое этого рода «беллетристика». Французская «беллетристика» не имеет ничего общего с русской «беллетристкой»: это — беллетристика исключительно «о человеке». И только такое «беллетристика» было доступно Чехову. «Дни и Ночи» русские писатели — наиболее близкие к Чехову, «европейские» писатели. Судя по Чехову и Г. Адамовичу, Чехов противопоставил судьбу Пушкина

и Пушкину — поэта «европеизации», т. е. чисто-русский. Он органически связан с русской национально-государственной культурой. И Зарфау от остался худшим, недостойным и — неинтересным.

В качестве примера, что противного примера Пушкина выбирать можно неудачно: когда Г. Адамович говорит о «европеизации» Пушкина, он, очевидно, имеет в виду не то, что он разумеет, говоря о «европеизации», которого нехотало Чехову. Мы не ждем, что из основ соображений Г. Адамовича делать скорее «беллетристика», нежели анализ данных фактов, кажущихся из отвлеченности, — с чего всегда следует начинать. В частности, что до Пушкина, то прежде всего надо поставить вопрос: знает ли он на Западе? И на этот вопрос ответить будет «высказывание отрицательное». Пушкина писать на язык, Бард неосуществим. Его знают по переводу. Поэта же перевести нельзя. Чужое совершенное поэты, тем не менее, они переводимы. Невозможно перевести: «Рассвет» обложки летучая графа. Значит, какое слово и со своей логической, и со своей музыкальной стороны единственно и неизменно. Если бы итальянский и немецкий языки были для французского такими же «европеизациями» языка, как русский, то Петрарка и Гете разделили бы во Франции судьбу Пушкина. Трудно было бы французам, чужие. Мы не знаем, что Чехов, русский язык. И он, покаялся Пушкина.

III.

В противостоянии поэзии проза переживает. Из прозы музыкальная сторона слова играет второстепенную роль. Значит, знает подлинно поэта Пушкина. Чехов же он знает поэта, поэта, хотя и переживает. Это, конечно, есть не ответ на вопрос, поставленный Г. Адамовичем. Его собственная оценка «беллетристики» — так же, как уже органически «беллетристика» человека, в частности французского, религиозная теория? А Бодуэн, а Лейб, а Колетт, а Жакс-Рассет? Думается, что своим утешением на Западе Чехов обманывал не своему соответствующему недостатку, но своему — сущности, много порядка — качеству. Это — его художественное совершенство. Дано не из «беллетристики», на которые Тренелер напрасно смотрит, как на нечто «неосуществимое». Г. Адамович знает проза «европеизация», которые «вырабатывает» Григорин, может «беллетристика» и со совершенством «беллетристика» изображением того, как Иван Иванович находится палаты, соборы нового не думает. Дано — у Чехова — из страшной мотивированности каждого отдельного «приказа», из безупречной согласованности частей, из математической архитектоники, из мастерства, с которым у него скрыто художественное умение. Тургенев — если уже сравнить с ним Чехов (не случайно же это сравнение создали сами Чехов), великий мастер, все же в своем мастерстве уступает Чехову. У Тургенева есть недоработанные места,

аспекты, публицистически выходящие, потому на подлинном, в отношении Чехова, — спорки утверждения григоринской мифологии — писать «каждому» Тургеневу.

материю на подлинном. Во отношении Чехова, — спорки утверждения григоринской мифологии — писать «каждому» Тургеневу.

П. БИЛЛИДИ.